
РАЗУМНОЕ
СОМНЕНИЕ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ СУДЕБНЫЙ ТРИЛЛЕР

Varpunen Varpunen
РАЗУМНОЕ СОМНЕНИЕ

https://litres.ru/74832864
SelfPub; 2026

Аннотация

Денис Климов привык извиняться даже за то, в чём не виноват. Он работает на складе благотворительного центра, почти не смотрит людям в глаза и с трудом защищает себя словом. Теперь его обвиняют в убийстве трёх молодых женщин. Признание получено после жестокого допроса. Остальные улики оставляют слишком много вопросов.

Адвокат Илья Воронцов уверен: следствие нашло удобного виновного. Но чем тщательнее он разбирается в деле, тем больше чужих тайн выходит на свет — насилие, которое предпочли скрыть, деньги, покупающие молчание, письмо без подписи.

Впереди суд, где сочувствие ничего не доказывает. Воронцов знает это лучше многих. Сумеет ли он усомниться не только в чужих словах, но и в собственном желании поверить?

Содержание

Глава первая. Человек, который не умеет лгать 4
Глава вторая. Три фотографии 15
Глава третья. Сын своего отца 27
Конец ознакомительного фрагмента. 29

Varpunen
РАЗУМНОЕ СОМНЕНИЕ

Глава первая. Человек, который не умеет лгать

Когда Илья Воронцов вошёл в комнату для встреч с задержанными, молодой человек за столом поднялся так резко, что опрокинул пластиковый стаканчик. Воды в нём уже не было. Всё равно он немедленно схватил стаканчик, поставил на место и сказал:

— Простите.

Воронцов положил папку на стол. Стрелки настенных часов показывали без двадцати семь. Из-за стены тянулся ровный шум вентиляции, похожий на далёкие автомобильные колёса.

Он сел, подогнув под себя длинные ноги. На нём была серая рубашка с потемневшим воротником; рукава застёгнуты не на те пуговицы. На нижней губе подсыхала трещина. Синяк под левым глазом уходил к виску бурой тенью.

Воронцов представился, показал удостоверение и дождался привычного вопроса: сколько это будет стоить. Вопроса не последовало.

Из документов следовало, что задержанному двадцать семь лет и он третий год работает на складе благотворительного центра «Тёплый дом». Узнав, что Воронцов — его защитник, Денис осторожно спросил не о сроке и не об обвинении, а о том, останется ли за ним работа. Он испугался последствий, которые ещё мог представить.

Он сказал это так, будто увольнение было самым страшным из происходящего. Воронцов открыл папку. На первой странице — три фотографии. Девушки смотрели в камеру с разным выражением: одна улыбалась, другая щурилась от солнца, третья была серьёзна, как на паспортном снимке. Все трое умерли.

— Вы понимаете, в чём вас обвиняют?

Денис кивнул. Слишком быстро.

— Скажите словами.

— В том, что я… — Он облизнул растрескавшуюся губу. — Что я их убил.

— Вы убили?

— Нет.

«Нет» прозвучало тихо и без запинки. Воронцов не поставил галочку напротив этого слова. Уверенный ответ мог означать всё что угодно; он хотел понять, откуда появилось подписанное признание.

— Тогда почему вы подписали признание?

Денис опустил глаза. Большим пальцем стал разглаживать манжету на правой руке: провёл по ткани от шва до пугови-

цы, вернулся и повторил.

Денис смог описать двух людей, которые добивались подписи, но не назвал ни одной фамилии. Один стоял у двери, другой беспрестанно ходил вокруг стола. Обещание дать ему поспать прозвучало после нескольких часов вопросов и, по его словам, ударов. Попытка пожаловаться следователю закончилась замечанием, что от своих слов поздно отказываться.

Воронцов перевернул страницу. Признание занимало четыре машинописных листа. Текст был гладким, почти литературным: «я действовал, руководствуясь внезапно возникшим желанием», «избавился от предметов, представляющих интерес для следствия». В конце стояла рваная подпись.

В приложениях лежало заключение о серых текстильных волокнах, найденных на одежде погибших. Состав соответствовал распространённой упаковочной тесьме, в том числе той, которой обвязывали коробки в центре. Эксперт запретил трактовать это как совпадение по индивидуальным признакам. Воронцов подчеркнул последнюю строку: оговорка была не менее важна, чем сама находка.

Воронцов зачитал вслух оборот о «предметах, представляющих интерес для следствия». Денис не узнал в нём собственного голоса. По его объяснению, текст ему дали уже готовым.

Подпись он поставил, едва различая строчки распухшим глазом; о медицинском осмотре ничего не помнил. Адво-

кат отметил это отдельно. Неуверенность насчёт освидетельствования была разумнее, чем готовая история с точным временем и именами.

Воронцов присмотрелся к его рукам. На запястьях виднелись синеватые полосы, на костяшках не было ссадин. Он видел слишком много задержанных, чтобы считать отсутствие ссадин доказательством чего-либо; видел и слишком много людей, называвших чужую драку пыткой. Сочувствие на работе приходилось держать рядом с блокнотом, а не вместо него.

Воронцов попросил показать ему оборот ладони. Денис послушно вывернул руку и вздрогнул, когда адвокат потянулся ближе. Не из-за боли: прикосновения не случилось. Илья остановил себя. Ему необходимо было увидеть синяк — и вдруг стало стыдно за собственное право осматривать чужое страдание.

Прежние дела научили Воронцова не доверять выражению лица. Спокойствие могло оказаться страхом, страх — гневом, а привычная неловкость — просто привычкой. Здесь ему следовало проверять факты, а не угадывать человека. Этого правила он держался особенно строго, когда испытывал жалость.

Воронцов потребовал не скрывать даже малоприятных фактов: здесь не место красивой истории для суда. Денис испугался и признался, что однажды унёс со склада одеяло, приняв его за вещь для раздачи, а затем вернул. Похоже, он

понимал слово «всё» буквально.

Адвокату пришлось объяснить, что речь идёт об убийствах. Денис растерянно кивнул: он-то решил, что должен перечислить любую ошибку, за которую может быть наказан.

За дверью кто-то рассмеялся. Денис вздрогнул и подался вперёд, как от удара. Воронцов закрыл папку, чтобы фотографии больше не лежали между ними.

Когда в коридоре послышались шаги, Денис перестал говорить. Он не поворачивался к двери, а смотрел в небольшое мутное стекло над ней. Там отражался человек в форме, остановившийся возле автомата с водой. Воронцов машинально проследил за чужим взглядом. После нескольких часов допроса любой шорох может стать угрозой; этому не стоило придавать значения. И всё же адвокат удивился, как хорошо Денис умеет смотреть, не поднимая головы.

Следы на запястьях выглядели настоящими. Это была первая вещь, которую не требовалось толковать. Воронцов не хотел, чтобы следующие его выводы оказались столь же простыми.

— Посмотрите на меня.

Молодой человек попытался поднять глаза, но задержал взгляд где-то у воротника адвоката.

О трёх женщинах Денис говорил с неровной подробностью. Полину помнил по вечеру сбора пожертвований; Марину узнавал по лицу, но не был уверен в фамилии; с Верой здоровался во время смен и однажды донёс коробки до оста-

новки. На вопрос о встречах вне центра он не нашёл уверенного ответа. Воронцов записал именно это: «Не помнит», а не удобное для защиты «Не встречался». Большой палец Дениса всё время разглаживал манжету справа.

Воронцов спросил, какая куртка была на Полине в вечер исчезновения. В признании цвет назвали уверенно, почти торжественно. Денис посмотрел на фотографию и сказал, что не видел её в тот вечер и повторял то, что произносили сотрудники. Адвокат предложил заведомо неверный цвет; Денис не ухватился и за эту подсказку. Проверка ничего не решала, зато заставляла усомниться в происхождении деталей признания.

— Хорошо. Расскажите с самого начала, как вас задержали.

Утром он разгружал мешки с одеждой. Подъехала машина без опознавательных знаков. Ему приказали пройти, сказали, что требуется задать несколько вопросов. В отделе сначала спрашивали о Вере, потом о Полине, потом о Марине. Денис не понял, почему заговорили сразу о троих. Попросил воды. Ему не дали. Когда он заплакал, один полицейский велел перестать кривляться.

— Потом они спросили, где я прятал вещи, — рассказывал Денис. — Я сказал: какие вещи? И вот тогда…

Он восстанавливал допрос не по часам, а по отдельным ощущениям: голова, прижатая к столу; чужой голос за спиной; провалы, после которых вопросы начинались снова. Де-

нис всё время боялся ошибиться в последовательности и спрашивал, не рассердится ли адвокат из-за неточного ответа. Воронцов пояснил, что забыть подробность — не то же самое, что солгать о ней.

Денис выдохнул, и Воронцов впервые разглядел, насколько он молод. Не по паспорту, а по той неуверенной готовности угадывать, что взрослому собеседнику хочется услышать.

— Я ничего не делал, — проговорил Денис. — Вы можете не верить. Но я не делал.

Воронцов хотел ответить формулой, которой пользовался много лет: «Моя работа — не верить, а защищать». Однако почему-то произнёс другое:

— Мы проверим.

Пока Денис говорил, Воронцов машинально сверял его слова с сухими строками протокола. В протоколе было написано: «Подозреваемый уверенно подтвердил своё участие». На записи встречи перед ним сидел человек, которому с трудом удавалось произнести название улицы. Но адвокат хорошо знал, как неосторожно бывает подменять одно впечатление другим. Испуганное лицо не отменяло злого поступка. И всё-таки мысль об «уверенном подтверждении» выглядела почти нелепой.

Он спросил, кто приносил бумаги. Денис не запомнил ни фамилии, ни звания, зато описал зелёный лак на ногтях женщины, один сломанный ноготь и пятно на её рукаве. Во-

ронцов записал подробности без всякого восторга. Избирательная память не признак честности; зато отдельные приметы можно проверить. Ему самому когда-то запомнился цвет галстука судьи, вынесшего ошибочный приговор, а дата заседания — нет.

В папке упоминались часы, которые будто бы исчезли с одной из погибших, хотя в описи вещей их не было. Денис говорил, что полицейские спрашивали о них, уже получив подпись. Неясная деталь могла оказаться ловушкой, ошибкой допроса или ошибкой памяти. Зафиксировав её, Воронцов впервые обнаружил, насколько много в деле слов «возможно», которым следствие придало форму утвердительных предложений.

Больше всего Дениса тревожила накладная на зимнюю одежду, оставшаяся в центре. По пятницам он должен был подготовить список мешков к разгрузке; если лист потеряется, директор рассердится. Это напоминало человеку о мире, где плохой день заканчивается выговором, а не обвинением в убийстве. Адвокат хотел улыбнуться нелепой заботе, но не стал: юношеская неловкость не отменяла трёх мёртвых женщин на фотографиях.

Адвокат попросил составить список людей, способных подтвердить его обычный распорядок. Денис очень старался: вспоминал кассиршу в магазине у центра, соседа с собакой, мужчину, которому однажды помог донести телевизор. Ни один из них не мог дать алиби по всем трём вечерам. Зато он

помнил, что соседскую собаку зовут Пломбир и у неё одно ухо стоит, другое висит.

Перед уходом Денис спросил, что будет, если ни один знакомый не сможет подтвердить его слов. Воронцов ответил не обещанием победы, а обещанием работать с тем, что поддаётся проверке.

Услышав это, Денис чуть заметно расслабился. Только плечи не расправил. Будто давно привык занимать меньше места, чем занимал на самом деле.

В коридоре его встретила следователь Анна Сазонова. На вопрос о синяках она сообщила, что осмотр назначен. Воронцов уточнил время назначения: свидетельства насилия имеют значение именно тогда, когда их фиксируют без промедления.

Сазонова напомнила, что адвокат ещё не читал материалы. Он ответил, что следствие, напротив, успело получить признание от человека с разбитым лицом и чуждыми ему канцелярскими оборотами. Она сухо отделила свою группу от сотрудников, проводивших первый опрос. Воронцов отметил это разграничение, но не принял его за оправдание.

Следователь перечислила то, что действительно имелось в деле: общая точка знакомства жертв, свидетель, запись камеры и вещь погибшей в шкафу, к которому обвиняемый имел ключ. Воронцов не спорил с наличием предметов и документов; он спорил с тем, как быстро их превратили в готовую историю. На прощание Сазонова попросила не обещать

Денису спасения, пока дело не изучено.

Сазонова говорила коротко и не стремилась понравиться. Она показала адвокату приложенную к делу схему: три даты, три маршрута и один благотворительный центр. Точки были соединены жирной линией. Увидев её, Воронцов спросил, кто решил, что все три смерти — работа одного человека. Следователь ответила, что это пока версия, а не установленный факт.

На полях схемы чьей-то рукой стояло слово «серия». Илья провёл ногтем по нажиму синей пасты. Слово уже давно опередило доказательства и теперь свободно жило в газетах, полицейских коридорах и разговорах прохожих.

Воронцов забрал копии доступных документов и спустился по лестнице. За стеклянными дверями ждали журналисты. Они не узнали адвоката; телевизионщик разговаривал по телефону, девушка с блокнотом вглядывалась в экран.

На ступенях Воронцов открыл файл с фототаблицами. На снимке из подсобки благотворительного центра лежал светлый шарф с узкой тёмной полоской у края. Его опознала мать Веры Соловьёвой. Шарф нашли в шкафу, ключ от которого имел Денис.

В отличие от признания, это не было плохой литературой следователя. Это была вещь.

Воронцов смотрел на фотографию долго. В его практике находились люди, которые выглядели безобидно и совершали ужасные поступки. Находились и те, кому годами не

удавалось убедить суд в собственной невиновности. Труднее всего было не спутать одно с другим.

На улице Воронцов позвонил помощнице и попросил перенести завтрашние встречи. Лене он поручил выяснить всё о центре «Тёплый дом», включая его попечителей и сотрудников. Она узнала дело по первым словам и спросила, считает ли адвокат задержанного невиновным.

Воронцов посмотрел на окна третьего этажа. Где-то там человек с разбитой губой, возможно, всё ещё разглаживал манжету рубашки.

У машины он записал в блокноте: «Проверить признание. Проверить шарф. Не придумывать человека по лицу». Последнюю фразу подчеркнул дважды. Он сердился на следствие за спешку, с которой оно склеило разнородные обстоятельства в один рассказ, и верил, что сумеет удержать каждую деталь на своём месте.

В кармане завибрировал телефон. Лена прислала снимок входа в «Тёплый дом»: над дверью крупными буквами было написано «ПОМОЧЬ МОЖЕТ КАЖДЫЙ». На фотографии кто-то придерживал створку другому человеку. Лиц не было видно.

Глава вторая. Три фотографии

О трёх девушках в городе рассказывали одинаковыми словами: молодые, красивые, похожие друг на друга. Воронцов уже на втором газетном материале понял, что это определение ничего ему не даст.

Следствие называло убийства серией с осторожностью, которой не было у газет. Полина исчезла девятого сентября после встречи в городе, Марина — четвёртого ноября по дороге с работы, Вера — двенадцатого декабря после смены в центре. Тела нашли в разных районах. Общим были следы сдавления на шее, фрагменты серого волокна на одежде и почти полное отсутствие пригодных для сравнения следов. Эксперт сразу указал, что подобное волокно могло происходить от распространённой упаковочной тесьмы. Газетчики сократили это заключение до слова «одинаковая». Воронцов, читая его, впервые увидел, как легко способ сходства превращается в готовую биографию убийцы.

В деле не существовало надёжного доказательства, что каждую из трёх смертей причинил один человек. Но если преступник был один, он должен был иметь возможность оказаться рядом с тремя женщинами в разные дни и знать, когда они останутся одни. Это делало центр важной точкой не потому, что он был подозрительным местом, а потому, что в нём пересекались чужие привычные маршруты. Имен-

но там у каждого была возможность казаться обычным.

В полицейской папке первая жертва называлась «Лазарева П. О., двадцать четыре года». На её странице в социальной сети — «Поля, которая ненавидит сырой ноябрь». Она фотографировала автобусные остановки, собирала чашки с трещинами и хотела уехать к морю, хотя плавать не умела. Мать писала под последней фотографией каждый день. Одно и то же: «Доброе утро, доченька».

Вторая — Марина Тихонова, двадцать семь лет, администратор клиники. На снимках она держала племянника, спорила с друзьями о музыке, смеялась, закрывая рот ладонью. Третья — Вера Соловьёва, двадцать три года, волонтёр. Её фотографий было меньше всего. На одной она сидела посреди коробок с зимними куртками, подняв палец: «Не выбрасывайте то, что может согреть другого».

Все три были темноволосыми, светлоглазыми. Но когда Воронцов разложил снимки на столе, различий оказалось больше, чем сходства. Полина смотрела на мир вызывающе. Марина — устало и с юмором. Вера — с осторожным вниманием.

Лена принесла расписания, извещения о сборе вещей, список людей с доступом к складу. Одни и те же фамилии повторялись в документах; между ними возникала схема, в которой всё было слишком легко соединить стрелками. Воронцов зачеркнул первую стрелку. Знакомство в центре ещё не означало ни доверия, ни угрозы.

Воронцов позвонил сестре Марины, Екатерине. Та сперва отказалась разговаривать. Потом перезвонила сама.

Они встретились в булочной возле её работы. Екатерина оказалась на несколько лет моложе сестры, с такими же светлыми глазами. Она долго крутила бумажный пакет от круассана, не разворачивая.

Екатерина встретила защитника недоверчиво. Она опасалась, что ради оправдания Дениса кто-нибудь начнёт искать в поведении Марины ошибку, которая оправдала бы убийцу. Воронцов объяснил, что хочет восстановить последние недели её жизни, и не пытался требовать доверия заранее.

Екатерина достала телефон. Показала переписку. Марина жаловалась на пациентов, шутила о скором отпуске. За две недели до смерти в сообщениях появилось: «Опять этот парень с коробками. Жалко его, конечно, но он как будто специально выбирает момент, когда все разошлись».

Кто был тот парень с коробками, Екатерина не знала. Марина не называла фамилии, только упоминала центр, куда носила одежду. Телефон передавали полиции; сестра не была уверена, все ли сообщения изучили. На прямой вопрос о преследовании она ответила не сразу: Марина говорила об усталости и о том, как тяжело отказывать тем, кому искренне сочувствуешь.

Екатерина переслала адвокату ещё одно сообщение — то, которое сама долго не решалась показывать посторонним. Марина писала: «Я не могу быть доброй каждую минуту. Это

же не значит, что я плохая?» Сестра ответила шуткой, и разговор закончился фотографией недопечённого пирога.

После похорон Екатерина снова и снова открывала именно эту переписку. Ей казалось, что она пропустила просьбу о помощи. Воронцов не стал утешать её предположением, будто просьба могла ничего не значить. Он спросил, кому Марина обычно отказывала с таким чувством вины. Екатерина назвала пациентов, соседку и людей из «Тёплого дома». Дениса она по имени не знала.

— Вы хотите найти в этих словах убийцу, — произнесла она, — а я хочу услышать сестру.

Илье нечего было возразить. Оба желания были законны; совместить их было труднее.

— Она говорила, что устала. Иногда одно и то же. «Почему люди считают доброту обещанием?» Я решила, речь о её бывшем. Оказалось, понятия не имею, кого она имела в виду.

На улице завыли тормоза. Екатерина посмотрела в окно и вдруг сказала:

— Я до сих пор ловлю себя на том, что хочу ей позвонить. Спросить, как сварить эту дурацкую кашу, которую она делала. Потом вспоминаю, что её нет, и мне стыдно из-за каши.

Воронцов не нашёл слов. В юридических документах место для такого разговора не предусматривалось.

Он попросил разрешения ещё раз обратиться к ней, если возникнут вопросы. Екатерина кивнула, но на прощание

сказала:

— Только не делайте из Марины доказательство того, что ваш подзащитный хороший, — попросила Екатерина. — Она была отдельным человеком.

После встречи Екатерина отправила ему фотографию Марины не из полицейского альбома: сестра стояла на балконе с чашкой, смеясь над тем, как ветер рвёт у неё из рук бельевые прищепки. На обороте бумажного снимка в семье написали «опять спасает мир». Марина действительно помогала всем, но могла и рассердиться, хлопнуть дверью, не ответить на звонок. Никакой особенной святости в этом не было.

На снимке с балкона Марина выглядела нетерпеливой и смешной. Воронцов положил фотографию отдельно от полицейских материалов. Екатерина не желала, чтобы её сестру превращали в примечание к биографии обвиняемого; Илья обещал постараться, хотя именно этим, по существу, и занималась его профессия: превращала жизнь в имеющие отношение к делу подробности.

• • •

«Тёплый дом» помещался в бывшем училище возле реки. Желтоватые стены нуждались в ремонте, над входом висел яркий баннер с нарисованными ладонями. Внутри пахло влажными пальто, бумагой и супом. Пожилая женщина у стойки объяснила Воронцову, что здесь помогают семьям, которые оказались в трудном положении; собирают одежду, продукты, иногда деньги на лечение.

Круглова приняла адвоката настороженно: после полиции и телекамер посетители центра боялись даже входить внутрь. Она показала распорядок смен, кладовую и списки ответственных. Денис работал с ними третий год и почти никогда не конфликтовал, но директор признала, что тихого работника трудно назвать хорошо знакомым человеком. О нём она знала прежде всего то, что он выполнял порученное.

Круглова показала ему помещение с двумя рядами шкафов. По одну сторону — бельё, по другую — личные вещи волонтёров. Шкаф, где нашли шарф Веры, стоял у окна.

Шкаф, где нашли шарф Веры, назывался «денисовым» только в разговорной речи: Денис чаще других закрывал помещение. Запасные ключи были у директора, завхоза и охраны; днём дверцу иногда не запирали вовсе. В протоколе отразилось, кто отвечал за склад, но не кто мог положить вещь в шкаф. Это различие Воронцов выписал отдельно.

Пока они стояли у шкафа, в помещение вошёл завхоз Павел Коваль. Плотный мужчина с крупными обветренными ладонями принёс коробку детской обуви и недовольно спросил, долго ли ещё будут ходить по складу чужие люди. Ольга Аркадьевна представила его как человека, отвечавшего за закупки и мелкий ремонт. Коваль работал здесь до Дениса и имел запасной ключ от общей подсобки.

— А вы уверены, что шкаф был заперт в день осмотра? — спросил Воронцов.

Коваль пожал плечами. Обычно после смены всё запи-

рали; когда приходили машины с пожертвованиями, дверца могла оставаться открытой часами. Он даже показал под ней потёртость от мешков, которые волонтёры привыкли ставить вплотную. На вопрос о шарфе Веры завхоз ответил, что не помнит, где лежала каждая из тысяч вещей. Потом забрал коробку и ушёл.

У выхода Круглова попросила не записывать его неприветливость как характеристику. У Павла болела жена, денег в центре почти не было, а за зиму ему дважды задерживали зарплату. Воронцов ничего не записал о характере Коваля. Но его имя появилось в списке людей, которые могли открывать шкаф.

На стене висело расписание встреч. Воронцов остановился перед фотографией благотворительного вечера. В первом ряду сидела Полина, рядом мужчина лет пятидесяти в дорогом пальто, сзади — высокий молодой человек с тяжёлым подбородком.

На фотографии попечительского вечера Воронцов узнал Виктора Ратникова, а рядом — его сына Глеба. Круглова замялась, когда адвокат указал на девушку в первом ряду: Полина прежде встречалась с Глебом.

После расставания организаторам передали просьбу не приглашать Полину на общие вечера во избежание «неловкости». Просьба исходила от людей старшего Ратникова. Адвокат не уточнял, было ли слово «неловкость» произнесено дословно: звучало оно слишком удобно.

Воронцов посмотрел на фотографию ещё раз. Денис на снимке тоже был: справа у двери, наполовину закрытый стойкой с одеждой. На лице почти ничего не различалось. В руках он держал стопку сложенных пледов.

Круглова знала, что Денис видел Веру и Марину, а Полину мог встретить на сборе пожертвований. В списках не существовало отметки, кто с кем разговаривал. Глеб приезжал в центр главным образом в те месяцы, когда состоял в отношениях с Полиной. Обе биографии пересекались с теми же тремя женщинами, и пока невозможно было измерить силу этих пересечений.

Разговор прервал мальчик в огромных ботинках. Он попросил у Кругловой перчатки для младшей сестры. Она извинилась и ушла на склад. Воронцов остался перед фотографиями. На соседней стене кто-то прикрепил детский рисунок: солнце над серым домом, а под ним слова «ЗДЕСЬ МНЕ ПОМОГЛИ».

Он подумал о Денисе. Если тот действительно работал здесь незаметно и годами выполнял чужую тяжёлую работу, то почему полиция решила, что его молчание — признак скрытой жестокости? Но тут же посмотрел на шкаф у окна. У невиновности не было особого запаха, жеста или выражения лица. Улик это тоже касалось.

Перед уходом из центра Воронцов спросил Круглову, можно ли связаться с матерью Веры. Та дала номер, но предупредила: женщина почти не разговаривает с незнакомыми

людьми после похорон.

Нина Соловьёва ответила на четвёртый звонок. Услышав слово «адвокат», хотела положить трубку. Воронцов успел объяснить, что не собирается расспрашивать её о последних минутах дочери и не просит обсуждать обвиняемого. Ему нужно было понять, почему Вера ходила в центр.

— Потому что не умела пройти мимо, — сказала женщина. — Ей казалось, что если у человека чего-то нет, это она недодала.

Они встретились у её дома. Нина вышла с пакетом продуктов и говорила стоя, словно садиться означало согласиться на долгий разговор.

Мать Веры помнила их последний спор: дочь считала, что помощь нельзя выдавать по счёту, а мать боялась, что на ней начнут ездить. Вера часто задерживалась ради посетителей, которым требовалось не пальто, а собеседник. Ей было особенно трудно отказать тому, кто выглядел обиженным. Это не свидетельствовало о преследовании, лишь рисовало характер женщины точнее протокола.

Нина достала из пакета маленький йогурт, взглянула на него и неожиданно расплакалась. Воронцов растерялся. Женщина объяснила, не вытирая слёз:

— Каждый четверг покупаю два. Себе и ей. Сегодня опять купила два. В магазине не заметила.

Он стоял рядом, не пытаясь её утешить фразами, которые никого не способны утешить.

— Вы защищаете того парня? — спросила она спустя минуту.

— Да.

— Я не знаю, убил ли он мою дочь, — произнесла Нина. — Если не он, настоящий человек всё ещё ходит где-то рядом. Только, пожалуйста, не пишите, будто Вера была просто ещё одной похожей девушкой. У неё даже голос был другой.

Нина Соловьёва не просила наказать кого-то любой ценой. Она хотела, чтобы ей объяснили, почему дочь не вернулась домой, а вместо объяснений слышала фамилии, версии и формулировку «ход расследования». Перед адвокатом лежала маленькая пачка салфеток, и он вдруг заметил, что сам давно перестал вытирать руки: Нина говорила о дочери, а он уже подсчитывал, какие из её слов сможет использовать для защиты.

На прощание женщина сказала, что Вера умела находить пять минут даже для незнакомца, когда у всех остальных не находилось ни одной. Воронцов не понял, почему эти простые слова запомнились ему так точно.

Воронцов пообещал. Уже возле машины он понял, что не спросил ни о шарфе, ни о ключах. Ради этих вопросов он и приехал, но теперь не смог бы произнести их в лицо женщине с двумя йогуртами в пакете.

Когда он рассказал Лене о разговоре, она молча поставила перед ним чистый стакан воды. Воронцов вдруг увидел различие между материалами дела и тем, что люди носят с

собой всю оставшуюся жизнь. В деле девушки становились похожими потому, что следователю нужно было установить связь. Для их близких каждая была единственной.

Вечером он разложил три фотографии дома на кухонном столе. До этого их объединяли внешность, место встреч и газетное слово «серия». Теперь проступило другое, куда менее измеримое сходство: Полина выступала за незнакомых, Марина помогала даже после ночных смен, Вера задерживалась последней. Но из этого не следовало, будто их доброта стала причиной гибели. Воронцову было противно само движение мысли, способное превратить человеческое достоинство в удобство для убийцы.

Он записал два вопроса: «Кто знал, когда они остаются одни? Кто мог попросить у них помощи?» Прямого ответа не было. В списках центра повторялись фамилии дежурных, завхоза и добровольцев. На некоторых листах возле графы «закрывает помещение» стояли две подписи: «Д. Климов» и «П. Коваль».

Вечером Лена принесла папку, которую раздобыла из открытых источников. В ней была короткая публикация двухлетней давности: «Сын известного бизнесмена стал участником конфликта возле ночного клуба». Материал исчез с сайта газеты через день, но его сохранил один городской архив.

На снимке за спиной Глеба Ратникова стояла Полина Лазарева. Она пыталась закрыть ладонью лицо.

Лена нашла накладную на замену зеркала внедорожника

Глеба. Ремонт прошёл в августе, до исчезновения Полины. На секунду Воронцов хотел связать повреждение машины с убийством, но даты не позволяли. Он впервые отчётливо ощутил, как опасно бывает обрадоваться подозрению раньше проверки.

Воронцов пролистал фотографические приложения к делу. На последнем листе было расписание волонтёров за прошлую осень. Напротив фамилии Полины стояло «сбор пожертвований», напротив Марины — «передача вещей», напротив Веры — «координатор». И ниже на многих листах повторялась подпись получателя ключей: «Д. Климов».

Позже с неизвестного номера пришло сообщение: «Если хотите узнать, кого боялась Полина, спросите о Глебе Ратникове». Воронцов перечитал его у окна. Номер не значился в списках свидетелей. Лена проверила открытые источники; ответа не было. Адвокат написал: «Кто вы?» Сообщение осталось непрочитанным.

Он хотел немедленно позвонить кому-нибудь из Ратниковых, но остановился. Слишком многое в расследовании уже сопровождалось чужими подсказками. Ему ещё предстояло узнать, какие из них действительно вели к истине, а какие только создавали ощущение движения.

Глава третья. Сын своего отца

У Глеба Ратникова оказалось два адреса, три автомобиля и четырнадцать тысяч подписчиков, которым он каждую неделю объяснял, как важно самому отвечать за свою жизнь. На фотографии, закреплённой вверху страницы, он стоял у самолёта, обхватив за плечи двух улыбающихся приятелей. Подпись гласила: «Никто ничего не подарит. Всё берётся характером».

Лена принесла Воронцову распечатки и положила поверх них вырезку из журнала о бизнесе. Отец Глеба, Виктор Семёнович, строил торговые комплексы, жертвовал деньги больницам и состоял в попечительском совете центра «Тёплый дом».

Лена листала снимки Глеба с самолётами и дорогими автомобилями с почти физическим отвращением. Воронцов напомнил ей — и себе, — что привилегированность не является составом преступления. Зато исчезнувшее заявление Полины было реальным фактом, требовавшим ответа.

Они нашли бывшую соседку Полины, Ирину Чижову. Та долго не отвечала, а затем пригласила Воронцова в магазин тканей, где теперь работала. Разговаривать она согласилась только в подсобке.

Бывшая соседка Полины вспомнила, как после ссоры та вернулась с синяком, уверяя, что ударилась о шкаф. На сле-

дующий день появился Глеб с цветами и объяснением, что женщины иногда сами доводят мужчин. Ирина произносила это монотонно, словно давно истратила на историю всё возмущение.

О синяке Ирина сообщила полиции ещё при жизни подруги; без очевидца удара сведения записали как пересказ. Полина вскоре отозвала заявление, а через месяц погибла. Больше всего ей было страшно не оставаться с Глебом наедине, а спорить с целой свитой — отцовскими юристами, охраной, деловыми знакомыми, которых он приводил всякий раз, когда хотел победить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.